

Если Ань Сюэфэн и – один и тот же человек, то помимо вопроса о том, как у них получилось так раздвоиться, Вэй Сюня особенно интересовало другое: как они умудрились одновременно быть и руководителем Туристического Бюро, и капитаном туристической группы?

Это всё равно что быть одновременно владельцем компании и простым работником в ней – чистейшая бессмысленная трата времени.

Или, может быть, глава Туристического Бюро тоже не является его настоящим хозяином?

Вэй Сюнь задумался. Судя по тому, что писали на форуме, ключом к выходу из Бюро были Путешествия по 30-й параллели. Однако никаких реальных историй о том, чтобы кто-то из великих мастеров действительно покинул Бюро через такое Путешествие, не существовало. Возможно ли вообще выйти из Туристического Бюро?

Если кому-то и удавалось, то только величайшим из величайших. Ань Сюэфэн, будучи самым сильным путешественником, освоившим два маршрута на 30-й параллели, всё ещё оставался частью Бюро, имея при этом вторую личность в качестве его руководителя... Возможно, это связано с самой сущностью "Жуткого Глобального Туристического Бюро"?

- Чирик!

Размышления Вэй Сюня прервал внезапный мощный облизывающий удар. Кошачьи вылизывают друг друга с изрядной силой, и хотя теперь у него самого была шерсть, которая смягчала ощущения, он всё же не ожидал, что снежный барс может просто так свалить его лизанием.

Крики маленького барсёнка звучали невероятно тонко, как щебетание птички. Вэй Сюнь инстинктивно ответил таким же звуком, но больше не стал продолжать, а лишь оттолкнул передней лапой морду большого барса.

Вернувшись к текущей проблеме, Вэй Сюнь, конечно, знал, как снова превратиться в человека. Просто он не мог быть уверен, исчез ли негативный эффект "любви".

Времени было ещё много, поэтому он вывернулся из объятий большого барса и начал неуклюже тренироваться: ходить как барс, бегать как барс, кусать как барс, а также учиться не падать из-за собственного хвоста.

После превращения в снежного барса лисёнок больше не мог с ним сливаться, а без его обострённых чувств и контроля над телом Вэй Сюнь стал походить на больного барсёнка. Он даже не мог нормально бегать, а после нескольких прыжков уже чувствовал усталость и зевал.

Но хуже всего было то, что пушистый хвост Сюэфэна постоянно мелькал перед глазами. Вэй Сюнь понял, что, превратившись в животное, мышление тоже начинает меняться, и контролировать инстинкты стало гораздо сложнее.

Например, когда он впервые увидел этот пушистый хвост, он даже не успел осознать, что произошло, а уже вцеплялся в него зубами.

Выражение его морды в тот момент было трудно описать, но, к счастью, на пушистой мордочке барсёнка сложно разглядеть эмоции.

Оказывается, если зажать хвост в зубах, это даёт чувство защищённости.

Более того, Вэй Сюнь заметил, что чем больше он поддаётся инстинктам и меньше думает, тем легче становится на душе. Видимо, титул "Дикий Дух" снимал негативные эффекты человеческого облика, заставляя его по-настоящему становиться зверем, а не просто человеком в звериной шкуре.

Чем ближе состояние к настоящему зверю, тем быстрее исчезали негативные эффекты.

Не думать, не оценивать всё по человеческим меркам, быть счастливым глупеньким барсёнком, подчиняться инстинктам дикого животного.

Осознав это, Вэй Сюнь дал себе волю. Он бесцеремонно запрыгивал на Сюэфэна, кусал его, тренировал атаки, сражался с хвостом - и к полудню уже мог без всякого стеснения вылизывать шерсть Сюэфэну в ответ.

Пока что лизать собственную лапу он не решался, но Вэй Сюнь всегда стремился максимально изучить каждый титул и использовать его на все сто. Он подумал, что если сначала тщательно вымыть лапу, продезинфицировать её спиртовой салфеткой и убедиться, что между пальцами всё чисто - тогда, возможно, можно будет попробовать.

А затем он попытался снова стать человеком.

"Бззз-"

Когда оглушающий шёпот вновь заполнил его сознание, Вэй Сюнь, не дожидаясь потери контроля, моментально превратился обратно в барсёнка.

- Бум!

Эта попытка прошла без последствий для Вэй Сюня, но Сюэфэн, увидев, как малыш внезапно вырос, а потом снова уменьшился, резко подпрыгнул и своим весом повалил палатку. В хаосе рушащейся конструкции мелькнуло грациозное серебристое пятнистое тело - и прежде чем Вэй Сюнь успел что-то понять, Сюэфэн схватил его зубами и умчался прочь.

Обрушение палатки привлекло внимание Фэй Лэчжи и остальных. Они бросились на шум и увидели большого барса, прячущегося за огромным чёрным камнем с барсёнком в зубах. В глазах обоих читался немой ужас.

Сердце Вэй Сюня бешено колотилось - ровно так же, как и сердце Сюэфэна за его спиной. Если бы не молниеносная реакция барса, он и сам бы от испуга подпрыгнул. Снежные барсы - создания нервные, их легко напугать. А Вэй Сюнь слишком глубоко вжился в роль, и первобытные звериные инстинкты взяли верх.

Первоначально он хотел использовать звериную форму, чтобы избежать накопления негативных эффектов. Но если случалось что-то опасное, чисто звериная природа скорее делала его уязвимым и непредсказуемым.

Если сохранять человеческий разум - негативные эффекты исчезают медленно. А если полностью отдаться звериным инстинктам - зверь может совершить неконтролируемые поступки.

Например, спонтанно подпрыгнуть от испуга, начать охоту или даже пометить территорию.

Как же найти баланс между этими состояниями?

- Капитан Вэй, с тобой всё в порядке?!

Фэй Лэчжи и другие не решались подойти ближе, видя, как огромный барс держит "Вэй Сюня" в зубах. Контраст в размерах был слишком велик, и они боялись, что барс случайно раздавит малыша одним движением.

- Чирик.

Всё хорошо.

Ещё одна проблема, с которой столкнулся Вэй Сюнь: общение с людьми в зверином облике.

Поняв, что Фэй Лэчжи и другие не понимают его "барсьего языка", Вэй Сюнь задумался.

Но он был умён и вскоре через язык жестов объяснил, что им нужно восстановить палатку.

Ведь внутри осталась его одежда.

Превращаясь обратно в человека, он, разумеется, оставался без одежды – это же элементарно.

Всё было готово примерно через час. К тому времени воздействие загрязнённого шёпота полностью исчезло, и на этот раз ощущения были уже не такими ужасающими, как в первый раз – скорее, слабым отголоском прошлого.

Вэй Сюнь сначала выгнал Сюэфэна из палатки, затем снова превратился в человека. На сей раз он продержался пятнадцать минут, прежде чем снова стал барсёнком. Отдохнув, он повторил попытку. После трёх циклов навязчивый шёпот в ушах стал просто раздражающим, но терпимым.

Выносливость у Вэй Сюня была отменная, поэтому терпимый для него означал "не проблема". Когда он спокойно оделся, шёпот окончательно стих.

Но временное затишье не означало конца.

Вэй Сюнь поднял разорванный альпинистский шнур. Он разделился на две части: одна осталась "альпинистским шнуром" без каких-либо изменений в описании, а вторая превратилась во что-то совершенно иное.

Теперь это был двойной пурпурно-чёрный шнур, мягкий и эластичный, чем-то напоминающий кожу живого существа. Его название изменилось на "Оковы".

[Название: Оковы]

[Качество: Неизвестно]

[Функция 1: Метка]

[Функция 2: Запись]

На левом запястье Вэй Сюня проступил полукруглый узор из пурпурно-чёрных шипов. Когда он взял Оковы в руку, те сами обвились вокруг запястья, и узор исчез, будто его и не было.

Вторая половина запястья, разумеется, была украшена следами зубов снежного барса.

Честно говоря, учитывая силу, с которой барс его укусил, Сюэфэн мог запросто перекусить ему руку. Но странным образом не было даже крови – лишь чётко проступившие следы зубов, выглядевшие довольно жутко.

Вэй Сюнь подвигал запястьем – всё работало как обычно, никакого дискомфорта. Он сосредоточился на свойствах Оков.

Слово "Оковы" само по себе звучало зловеще, но Вэй Сюнь не ощущал никакого контроля над собой. Разве что лёгкую связь с чем-то невероятно далёким и загадочным. Однако хозяином этого предмета всё равно был он сам, и Вэй Сюнь легко понял, как работают его две функции.

[Функция №1: Отметка (Этот ваш поклонник. Он пометил вас)]

[Функция №2: Записи (Фиксируются все моменты между вами и)]

Запись 1

Дата: Неизвестна

Действие: смотрел на вас 1 секунду и пробормотал что-то себе под нос. Возможно, он беспокоился, что вы простудитесь на высокогорье из-за отсутствия одежды.

Вэй Сюнь: «...???»

Он с долей недоумения перечитал эту фразу несколько раз, задумался на секунду, а затем... снова снял с себя одежду.

Скинул ветровку – никакой реакции.

Стянул с себя шерстяной свитер – без изменений.

Снял брюки

И тут его слуха коснулся тот самый шёпот. И чем больше одежды он снимал, тем громче он становился.

После нескольких экспериментов Вэй Сюнь смог сделать вывод. Хотя его заключение оказалось совсем не таким, как он предполагал изначально.

Почему после его авантюры с, именно стал его... поклонником?

Этот вопрос заставил его размышлять довольно долго. В итоге он разделил ситуацию на две части.

1. Взгляд

После удачного риска Вэй Сюня вовсе не остался безучастным – он посмотрел на него. Всего на секунду. Но этого взгляда хватило, чтобы едва не свести его с ума. А последующий шёпот насчёт его отсутствия одежды, хоть и был формой ментальной атаки, оказался куда слабее. Достаточно терпимым, чтобы адаптироваться.

Если та секунда была прямым и наиболее мощным ударом по его сознанию, то шёпот, скорее всего, не являлся непосредственным обращением. Это было что-то опосредованное. Например, считал, что Вэй Сюню «не стоит ходить без одежды».

Именно это «мнение» порождало колебания в его разуме, заставляя того слышать бредовые шёпоты, стоило ему раздеться.

2. Разница между гидом и путешественником

Когда Вэй Сюнь был гидом в Пьянящей Красоте Западного Хунаня, он мог спокойно слышать и вести с ним диалог. Почему тогда не было никаких проблем, а теперь, в роли путешественника, всего один взгляд едва не свел его с ума?

По логике, именно гиды находятся на грани смерти, с хрупкой психикой и показателем SAN, а значит, они должны быть более уязвимы к внешнему воздействию. В то время как у путешественников нет даже этого параметра.

Было ли это связано с тем, что гиды – «сотрудники» Туристического Бюро, а потому защищены от влияния его руководителей? Или же это была привилегия для новичка?

А может, причина в осколке Бабочки Марии? В зависимости от роли (гид или путешественник), его свойства менялись?

Проверка состояния подопечных

Вэй Сюнь проверил Лисёнка и своих насекомых.

- Лисёнок - в норме. Он даже ничего не почувствовал.

- Сфера демонических насекомых:

- Маленькое Золото и Братя Богомолы - без изменений.

- Сяо Цуй, находившийся снаружи, был без сознания. Он не мог удерживать энергетическую форму - его разум был крайне нестабилен. Кроме того, на его теле проступили узоры, напоминающие зловещие глаза.

Но в целом Сяо Цуй был в порядке. Более того, Вэй Сюнь почувствовал, что с ним происходит мутация - и, судя по всему, в лучшую сторону. Поэтому он решил не вмешиваться.

Зато ситуация с Паразитической Пчелой его удивила.

«Хм?»

Она находилась в странном состоянии - между разрушением и стабильностью, как будто застыв в каменной оболочке.

Попытка установить связь мгновенно сняла эффект окаменения, и пчела вновь стала активной, будто ничего не случилось.

Но что-то определённо произошло.

Волосы-призраки в теле Орлиной Флейты оборвались и вышли из-под контроля. Вэй Сюнь приказал пчёлам поглотить их - и те даже не сопротивлялись.

Не только волосы. Кокон в теле Дин И тоже изменился.

Несмотря на то, что Сяо Цуй поглотил и ассимилировал его, связь с Пчелиной Матерью у него

оставалась. Но теперь её не было. Остались только нити, ведущие к нему и Сяо Цуй.

Дин И, как и пчела, были в окаменевшем состоянии без сознания. К счастью, оборудование для блокировки трансляции продолжало работать.

Похоже, все внешние методы вторжения были... грубо оборваны?

Разбудив Дин И, Вэй Сюнь размышлял.

Это могло быть только следствием взгляда. Но если Кокон и Паразитическая Пчела лишь окаменели, то Волосы-Призраки оборвались...

Потому что кокон был принесён Дин И в команду напрямую, а волосы проникли уже в ходе Путешествия?

Или... потому что кокон и пчёлы имели связь с ним, поэтому их не «очистили» до конца?

Последствия

Пока Вэй Сюнь не мог быть уверен:

- Исчез ли «Чувство собственности Ан Сюэфэна»?
- Как долго продлится «Любовь»?

Если эффект от риска для живых существ не имеет ограничения по времени, то в будущем ему придётся быть более избирательным.

18:00 - Обмен информацией

К вечеру путешественники покинули Маленький Лесной Храм и собрались для обсуждения. Вэй Сюнь, вернувший человеческий облик днём, дал несколько советов Цзян Хунгуану, и теперь все выполнили базовые цели исследования.

- Капитан, взгляните.

Цзян Хунгуан передал ему кристалл:

- Когда мы исследовали каменный грот, он стал нагреваться.

Это был осколок Девятиуровневой Кристальной Пагоды Свастики, который Вэй Сюнь раздал группе. Первоначально он был чисто-белым, но сейчас его поверхность отсвечивала зловещим красным.

- У Хунцяя, Байтао и остальных кристаллы тоже изменили цвет.

Из шести человек, чьи кристаллы изменились, четверо исследовали руины хранилища сутр, Инь Байтао изучала главный зал, а Фэй Лэчжи - боковое помещение.

- Вчера мы проверяли всё, но тогда кристаллы не реагировали, - добавил Фан Юйхан.

- И утром тоже было всё спокойно.

Кристаллы реагируют на демоническую энергию.

Либо она была слишком слаба, и только теперь её скопление вызвало изменения.

Либо во второй половине дня в храме произошло нечто, что спровоцировало её всплеск.

Цзян Хунгуан и остальные склонялись ко второму варианту. Эта ночь была последней во втором пункте их маршрута, но до сих пор они не сталкивались с серьёзными угрозами. Всплеск демонической энергии мог означать грядущую опасность.

Особенно их беспокоило то, что Вэй Сюнь собирался снова отправиться в храм этой ночью.

Разгадка

Вэй Сюнь знал о неугасимом демоническом пламени, горящем в храме. Покраснение кристаллов явно указывало на утечку этой энергии. Он проверил все образцы:

- Четыре из хранилища сутр – светло-красные.
- Из главного зала – ярко-красный.
- Из бокового помещения – тёмно-красный, почти фиолетовый.

Если утром реакции не было, а днём она появилась... Исключая влияние , могло ли это быть связано с тем, что Лама Ошибок завершил создание светильника, вызвав отступление пламени?

Риск

Он сжал в руке самый тёмный кристалл и активировал «Риск».

[Успех! Вы превратили кристалл, заражённый демонической энергией, в пищу!]

Вэй Сюнь: «...»

Он всё ещё не мог понять логики результатов «Риска».

Хорошая новость заключалась в том, что эффекты были настолько абсурдны, что никто не мог догадаться, каким именно навыком он воспользовался.

Не меняя выражения лица, Вэй Сюнь промыл кристалл водой, а затем...

...под шокированными взглядами Цзян Хунгуана и остальных...

...съел его.

Кристалл был холодным, но при первом же нажатии зубов его хрупкая оболочка раскрошилась, высвободив тёплую, сладковатую субстанцию – саму демоническую энергию.

На вкус как малина.

Но эффект «Риска» был не только в этом.

Съев кристалл, он узнал всё о нём и об энергии внутри.

Там было трёхслойное пламя:

- Внутренний слой - чёрный, как смоль.
- Средний - фиолетово-красный.
- Внешний - алый.

Оно горело в бронзовой лампе, языки пламени извивались, будто демоны, пытающиеся вырваться из огненной ловушки.

Зловещее. Гипнотическое. Нечто за гранью понимания.

Вэй Сюнь "увидел" пару иссохших старческих рук, держащих светильник. Они вошли в самую глубину каменной пещеры с буддийскими текстами и вылили пламя на драгоценные свитки. В одно мгновение демонический огонь вспыхнул с яростью, яростно пожирая всё вокруг, а Малый Лесной Храм рушился и исчезал в пламени.

Багровые внешние языки пламени буйствовали, проникая внутрь людей, превращая монахов-защитников храма в пылающих демонов. Глубокие фиолетовые внутренние языки превращались в бесчисленных демонов, терзающих души монахов, пока те не становились демоническими тенями.

Когда монах Чоча вернулся, он использовал свою собственную плоть и золотой трон Дхармачакры, чтобы запечатать демонические тени, а своей душой и верой, созвучной поколениям монахов Малого Лесного Храма, скрыл и запечатал храм, заключив багровый огонь в оковы.

Только самый внутренний, глубоко-чёрный пламень с самого начала скрылся во тьме, и его местонахождение осталось неизвестным.

- Уф.
- Вэй-сан, ты... с тобой всё в порядке?

Увидев, как Вэй Сюнь открывает глаза и глубоко выдыхает, Фэй Лэчжи и остальные с беспокойством поинтересовались.

- Со мной всё в порядке. Лэчжи, Хунгуан, информация, которую вы все мне сообщили, очень полезна.

Вэй Сюнь улыбнулся, задумался на мгновение, затем вытащил большую часть кристаллов из лисёнка.

- В руинах Малого Лесного Храма уже сотню лет бушует демонический огонь. Вчера вечером я пробудил дух монаха Цочи, а сегодня ночью мы изгоним этот огонь.

Он продолжил:

- В последний момент, когда демонический огонь будет изгнан, он может прорвать печати храма и вырваться наружу. Те, кто окажутся заражены им, превратятся в пылающих демонов.

Ошеломлённые зрелищем горы кристаллов, все присутствующие быстро пришли в себя и сосредоточенно выслушали указания Вэй Сюня.

- Сначала поступите так... потом так...

Когда все приготовления были завершены, в семь часов вечера Вэй Сюнь вошёл в пылающий Малый Лесной Храм. На этот раз он сразу же оказался в пещере с сутрами.

- Осторожно!

Только раздался возглас монаха Цочи, как обжигающее пламя рвануло навстречу Вэй Сюню так быстро, что реакция казалась невозможной. Но Вэй Сюнь резко отклонился назад, едва избежав удара, затем в его руках оказались два узких кристалльных клинка, скрестив которые, он разрубил багровый огненный шар размером с голову.

Однако разлетевшийся демонический огонь не исчез - напротив, он стал ещё яростнее, рассыпавшись на десяток маленьких огненных шариков и обрушившись на Вэй Сюня, как метеорный дождь. А за ними следовали десятки огромных огненных шаров.

Свист!

Раздался резкий звук рассекаемого воздуха, и вперёд была брошена прочная тонкая шкура, развернувшаяся перед Вэй Сюнем. Десятки огненных шаров упали на неё, но не смогли её прожечь - вместо этого они погасли.

- Посланник, скорее сюда!

Под прикрытием тханки Гу Синя - картины, написанной на человеческой коже - Вэй Сюнь шагнул назад, углубляясь в третью часть пещеры с сутрами. Бешеный демонический огонь рванул за ним, но, оказавшись в метре от Вэй Сюня и монаха Цочи, остановился, не в силах продвинуться дальше.

Вэй Сюнь сразу заметил, что дух Цочи, который прошлой ночью после капли очищенного мёда демонов окреп и стал плотнее, снова стал полупрозрачным и выглядел крайне слабым. В руках он торжественно держал золотой ларец, украшенный рубинами, - тот самый, в котором прошлой ночью лежали кристаллы, радиоактивная руда и конечности демона.

Вэй Сюнь всё понял: в этом ларце, очевидно, находился светильник, сделанный Цочи. И действительно, демонический огонь, обладая разумом, чувствовал его присутствие и яростно пытался уничтожить, опасаясь своей гибели.

- Ты...

- Грохот!

Вэй Сюнь увидел, как зрачки Цочи резко сузились, а его тело чуть было не исчезло из-за внезапного всплеска эмоций. Ларчик выпал из его рук, но Вэй Сюнь среагировал мгновенно: подцепил его ногой, подбросил и поймал, не дав упасть.

Следующим движением он без колебаний провёл узким кристалльным клинком позади себя полукругом - ведь Чоча явно смотрел куда-то позади него! Весь демонический огонь на пути клинка был рассечён, но и сам клинок не выдержал напора демонической энергии и рассыпался в прах, который Вэй Сюнь рассыпал по краям, заставив языки пламени, лизавшие его голени, отступить и исчезнуть.

Но ничего не было. За его спиной, кроме демонического огня, не было ничего.

- Лама, с тобой всё в порядке?

Спокойно спросил Вэй Сюнь, и увидел, как Чоча уставился куда-то за его спину пустым, мёртвым взглядом. Его зрачки, серые, как пепел, выглядели особенно жутко, а дух дрожал, как пушинка на ветру. Спустя долгую паузу он хрипло и безучастно произнёс:

- Сзади.

- У тебя... за спиной.

Вэй Сюнь снова оглянулся. Позади него, кроме беснующегося пламени, ничего не было, но выражение лица Цочи явно говорило не о пламени - он видел что-то ещё.

- Что там за мной?

Сохраняя хладнокровие, Вэй Сюнь протянул Цочи золотой ларец, но тот резко отшатнулся, испуганно глядя на его руку.

Левую руку.

Мысль мелькнула в голове Вэй Сюня. Он сделал решительный шаг вперёд, не обращая внимания на то, как Чоча отстраняется, схватил его за плечо и вложил в рот несколько кристаллов - на самом деле смазанных очищенным мёдом демонов.

После двух капель мёда дух Цочи уже не был настолько прозрачным, что вот-вот рассыплется. Более плотный, он пришёл в себя и с горькой улыбкой, всё ещё потрясённый, сказал Вэй Сюню:

- Я потратил слишком много сил, создавая светильник, мой дух ослаб и был осквернён демонической энергией. Поэтому меня посчитали демоном... но хорошо, что вы помогли мне.

- Горный дух?

- Да, он находится за вашей спиной.

Чоча объяснил подробнее: за спиной Вэй Сюня была огромная призрачная тень серебристо-белого снежного барса. Барс - хранитель священной горы, воплощение твёрдости, чистоты и холодной ярости. Увидев демона, он разрывает его на части. Когда дух Цочи ослаб и осквернился демонической энергией, тень барса за спиной Вэй Сюня устрасила его.

Вэй Сюнь задумчиво посмотрел на своё левое запястье. По словам Цочи, хвост призрачного барса обвивал именно его левую руку. Это напомнило Вэй Сюню о следах зубов барса на запястье.

Так Чоча видел барса? Вэй Сюнь подумал, что Лама заметил тень. Ведь на его запястье остался след от терновых узоров.

Если следы клыков барса обрели тень, может, и терновый узор тоже может проявляться? Просто он скрыт оковами?

Вэй Сюнь не осмелился показать узор перед ламой - если бы за его спиной действительно была какая-нибудь тень, дух Цочи мог бы просто рассеяться.

Старик и так пережил достаточно страданий... с ним стоит быть помягче.

Когда демоническая энергия покинула тело Цочи, он смог снова приблизиться к Вэй Сюню.

Лама торжественно произнёс:

- Демонический огонь буйствует уже сотню лет и обрёл разум. Сегодня на рассвете он исчез полностью и вернулся через три часа, начав бешеную атаку - возможно, он осознал, что сегодня его ждёт смерть, и изо всех сил пытается сопротивляться.

- Демоническая тень, заточенная на золотом троне Дхармачакры, едина с этим пламенем. В полночь, когда демоническая энергия достигает пика, тень может самоликвидироваться, чтобы прорвать печати храма. Ларец Янджин может скрыть ауру светильника, поэтому сначала мы должны найти ядро пламени, а уже потом доставать светильник, иначе оно может сбежать.

- Я понял.

Вэй Сюнь кивнул:

- Если печати храма падут и демоническая тень будет повержена, вы сможете вернуться в своё тело?

- Моё тело, запечатавшее демона на сотню лет, стало сосудом, а не человеческой плотью.

Чоча покачал головой, его лицо было спокойным:

- Когда демонический огонь и тень будут уничтожены, по нашему уговору, это тело будет принадлежать вам.

Чоча был непреклонен. Если бы он остался в Малом Лесном Храме, его дух мог бы продержаться ещё десяток лет, но он не оставил себе пути назад. Они вдвоём с Вэй Сюнем покинули третью часть пещеры с сутрами, не взяв с собой ничего, кроме железно-серого дордже.

Череп паука-монаха сидел на плече Вэй Сюня. Он оглянулся, наблюдая, как бушующее пламя поглотило третью часть пещеры.

Демонический огонь безумствовал. Вэй Сюнь и Лама шли сквозь море пламени, окружённые им со всех сторон - спереди, сзади, слева, справа и даже сверху. Даже не касаясь их, страшный жар мог превратить человека в пепел. Особенно по мере приближения ко второй части пещеры - пламя становилось всё яростнее и горячее, а багровые языки, казалось, были пронизаны фиолетовыми искрами. Температура снова поднялась, искажая воздух.

- Ошибка, Лама, спокойно шагая сквозь пламя, был окутан древним свитком из человеческой кожи, из которого поднимались клубы сизого дыма. Душа, по сути, не способна ощущать температуру, но адский огонь пожирает именно человеческие души. На теле Ламы, в его духовной оболочке, вспыхивали алые искры, но они тут же угасали.

Он был подобен аскету, истязавшему себя терниями, столетиями выдерживающему муки, осквернённые демонической энергией, но сохранившему крупицу разума. Помощь Вэй Сюня стала для него возможностью. Духовная сущность Ламы засияла слабым белым светом, чистым и прозрачным, в котором мерцали золотые символы свастики.

Вэй Сюнь уловил торжественное пение мантр, заставившее жар отступить, а его разум очиститься, словно омытый чистой водой. Это было истинное наслаждение - куда приятнее, чем бормотание .

Но Лама должен был сохранить силы для борьбы с ядром адского пламени и истинным обликом демона, поэтому пение длилось лишь несколько секунд, прежде чем стихло. Без демонической энергии, омрачающей разум, остался лишь жар, суровое испытание для аскета.

Но Вэй Сюнь не любил потеть, поэтому, когда Лама опустил руки, он улыбнулся:

- Лама, тебе интересно, как я очищаю демонов?

Лама ответил почтительно:

- Должно быть, сокрушительной мощью.

- Я думаю, этому адскому пламени лучше проявить ум и добровольно сдаться, - Вэй Сюнь слегка пошевелил пальцами, улыбка его стала шире. - Иначе, возможно, случится нечто очень неприятное.

Пламенный зефир - тёплый, мягкий, с хрустящей текстурой, тающий во рту. С прошлой ночи, с тех пор, как он «освободил» последнего сожжённого духа, Вэй Сюнь научился есть огонь на расстоянии. Жаль, что эти языки пламени были слишком эфемерны, не давали насыщения. Ведь истинное адское пламя - это лишь тонкая нить, а то, что бушевало в Малом Лесном Храме, было в основном демонической энергией, а не настоящим адским огнём.

- Ха-ха-ха-ха-ха!

Пронзительный, леденящий смех разнёсся по второму этажу пещеры с сутрами. Пурпурно-красное пламя взметнулось, превратившись в огненную волну, но Лама разбил его ударом ваджры. В пламени можно было разглядеть, как золотой трон начал плавиться от жара, а лицо Ламы исказилось, глаза загорелись яростью, тело окуталось густым демоническим туманом - тень демона готова была пойти на последний шаг.

- Проклятье, печать почти разрушена! Я задержу его, а ты, посланник, поспеши подчинить ядро адского пламени!

Лама тут же сел в позу лотоса и начал читать сутры, каждое слово звучало мощно, как гром, сотрясая скопления демонического огня. Пламя рассеялось, и золотой трон перестал плавиться.

Пока Лама сражался с тенью демона, Вэй Сюнь без колебаний прошёл через второй этаж и поднялся на первый. Как и говорил Лама, тень демона слилась с золотым тронном, печатью Малого Лесного Храма. Если она взорвётся, печать разрушится, и адское пламя вырвется в мир.

Поэтому нельзя было просто уничтожить тень - нужно было подчинить ядро пламени. Но если он достанет лампу и не сможет полностью подчинить его, оно взбунтуется, и у него будет только один шанс.

А может, и вовсе ни одного. Ведь Вэй Сюнь знал, что адское пламя разделено на три нити, и если кто-то, не зная этого, попытается поймать одну из них, остальные вырвутся.

Он даже подумал, что это было неизбежно - ведь это Путешествие не должно было пойти по такому пути. Если пламя вырвется, Лама, скорее всего, пожертвует собой, чтобы уничтожить его.

Без Ламы печать озера Селинцо останется без защиты, и великий демон вырвется.

- Забавно. Очень забавно.

Вэй Сюнь пробормотал, глаза его горели азартом. Чем невозможнее задача, тем больше его возбуждало её выполнение.

Он направился к боковому залу храма. Пламя пыталось подобраться к нему, но алое пламя тихо угасало. Глаза Вэй Сюня пылали – то ли от отражения огня, то ли от внутреннего жара. Внезапно он остановился и посмотрел вниз.

Здесь, в этом месте, прошлой ночью он «освободил» последнего сожжённого духа.

Память у Вэй Сюня была отменная. Он помнил, что этот дух пришёл из

- Трах!

Резкий звук проломившейся крыши раздался над головой, и Вэй Сюнь поднял взгляд. Куски земли и камней обрушились на него, готовые раздавить и похоронить заживо. В проломе мелькнула алая, змеевидная нить пламени.

Нашёл тебя!

Менее чем за секунду горящие обломки обрушились на Вэй Сюня, погребая его под собой. Раздался грохот, и груда камней образовала холм, похожий на пылающую могилу. Вэй Сюнь исчез. Золотая шкатулка, упавшая рядом, треснула, и из неё выпала лампа.

Через несколько секунд к шкатулке подползла алая нить пламени, словно раскалённая лава, оставляя за собой чёрный след.

Содержимое шкатулки вызывало у пламени инстинктивную враждебность – его нужно было уничтожить. Но когда оно уже собиралось сжечь её, из щели между камнями выскочило серебристое существо.

Оно двигалось неуверенно, перекатываясь, но, несмотря на юный возраст, было прирождённым охотником. Оно прижало лапой кончик пламени и – ап! – проглотило его.

Это был Вэй Сюнь, принявший облик детёныша барса.

Алое пламя, казалось, было съедено, но на самом деле его поместили в кристаллический сосуд в животе лисёнка. Падающие камни скрыли его превращение.

Детёныш барса встряхнулся, в его серо-голубых глазах вспыхнула решимость. Алое ядро пламени было поймано, пурпурное превратилось в тень демона, и теперь оставалось найти последнее – чёрное пламя, скрытое в глубине.

Но времени у Вэй Сюня было мало. Три нити пламени были связаны, и, как только он поймал алую, остальные стали нестабильнее. Вскоре тень демона взорвётся, разрушив печать.

Если он не найдёт чёрное пламя, оно ускользнёт в ночь.

Хотя Вэй Сюнь подготовился и снаружи, лучше было поймать его здесь. Но ситуация зашла в тупик – чёрное пламя было самым хитрым.

Оно пряталось в тенях, и в демоническом пламени было бесчисленное множество укрытий. Единственный способ выманить его – осветить весь храм.

Что может быть вездесущим, как тень?

Тело детёныша барса вытянулось, белая шерсть превратилась в волосы, серо-голубые глаза – в ледяные. Слишком бледная кожа заиграла в отблесках пламени.

Шёпот вновь раздался, пламя отступило, словно столкнувшись с чем-то ужасающим. В огне Вэй Сюнь улыбнулся и накинул тёмно-зелёный плащ. Контраст красного, зелёного и белого был ослепительным.

Он небрежно закутался, оставив бледные руки и ноги обнажёнными, босые ступни стояли на пламени. Шёпот усиливался, слова становились быстрее, заполняя пространство. Алое пламя гасло, и вскоре в боковом зале не осталось ни единого огонька.

Вэй Сюнь устремил взгляд на границу между боковым и главным залом. У подножия статуи Будды дрожала чёрная нить пламени, неспособная скрыться.

Шёпот был вездесущ, как тень.

Вэй Сюнь усмехнулся, прищурился, и в темноте, где погасло пламя, его силуэт растворился.

<http://bllate.org/book/14683/1309050>